

Глава 1

Всем на горе Юньцзянь было известно: старший ученик Чу Ханьюэ — человек нелюдимый и высокомерный. С его вечно застывшим ледяным лицом и плотно сомкнутыми губами он не сулил ничего хорошего. Стоило ему заговорить, как кто-то неминуемо отправлялся под затвор или получал суровое взыскание. Поэтому адепты старались обходить его за версту, страшась даже случайного взгляда.

Но никто и помыслить не мог, что этот «ледяной куб», возвращаясь в свои покои, превращался в невыносимого болтуна. Чу Ханьюэ питал тайную страсть к коллекционированию портретов Бессмертного почтенного Хуаяна. Он собственноручно вырезал из дерева фигурки божества: одни расставлял по комнате, другие всегда носил с собой в рукаве. Оставшись наедине с собой, он подолгу изливал душу этим идолам.

За окном в лучах заходящего солнца мерно кружился снег. Чу Ханьюэ согрел дыханием озябшие пальцы, зажег свечу и взялся за резец. Под его умелой рукой на куске дерева проступили изящные линии.

— Бессмертный почтенный, ученику приходится нелегко, — прошептал он, сдувая тонкую стружку. — Младшие братья и глава меня недолюбливают, наставник и дяди — и те избегают. Совсем не хочется завтра отправляться с ними в путь.

В дверь негромко постучали.

— Старший брат Ханьюэ, вы еще не поживаете? — донесся голос главы секты Лянь Гуанманя.
— Ваши младшие братья просили узнать, нужно ли подготовить что-то особенное для завтрашнего спуска с горы?

Глава, разумеется, и сам прекрасно знал, что братья с собой, как знали это и младшие ученики. Но они смертельно боялись не угодить Чу Ханьюэ. Уж лучше попасть в лапы к демонам, чем выслушивать нотации старшего брата. А поскольку сами подойти не решались, пришлось отдуваться главе.

— Взрослые люди, сами уже наставники, а элементарных вещей не знают, — холодно отозвался Чу Ханьюэ, распахивая дверь. — Пусть каждый переписует правила секты по сто раз и завтра же представит мне.

У порога уже никого не было. Глава Лянь Гуанмань предпочел ретироваться поскорее, пока и его не заставили что-нибудь переписывать.

Ханьюэ вернулся к столу и горестно вздохнул, вновь принимаясь за резец.

«Наказываю их исключительно ради их же блага. Иначе так и будут вечно прятаться за моей

спиной, не в силах одолеть даже мелкую нечисть. Что они станут делать, когда меня не будет рядом?»

— Завтра ведь рано вставать, почему еще не спишь?

Мужской голос раздался прямо за спиной. Чу Ханьюэ вздрогнул, крепче сжимая резец. Он не чувствовал ни дыхания живого человека, ни ауры демона. Обернувшись, он ничего не увидел, кроме висевшего на стене портрета Бессмертного почтенного Хуаяна.

Ханьюэ был уверен, что ему не послышалось. Интуиция подсказывала: в комнате притаилось нечто, чьи силы многократно превосходят его собственные. Он коснулся рукояти меча и начал шептать слова заклинания.

— Не бойся, это я, — голос зазвучал снова, на этот раз у самого уха. — Другие тебя сторонятся, а мне ты по душе.

Чу Ханьюэ напрягся. Стоило ему потянуться к мечу, как чья-то ладонь накрыла его руку. Эта рука была теплой и сильной, совсем не похожей на ледяное прикосновение призрака. От нее исходила мягкая, обволакивающая энергия.

— Я здесь, — незнакомец со смешком коснулся пальцами его подбородка, заставляя обернуться.

Перед Чу Ханьюэ предстал человек с точеными чертами лица и пленительным взглядом миндалевидных глаз. Его ледяное спокойствие впервые дало трещину, сменившись изумлением.

— Бессмертный почтенный Хуаян?

Он снова взглянул на стену — портрет опустел. Человек перед ним был точной копией божества, вот только выражение лица было далеко от величественного — в нем сквозила лукавая насмешка.

— Именно, — Бессмертный почтенный бесцеремонно коснулся его щеки. — Неужели я тебе так дорог? Настолько, что ты развесил мои изображения по всей комнате?

Чу Ханьюэ затрясло от гнева. Опыт подсказывал, что перед ним искусная иллюзия демона.

— Что ты за тварь такая? Как смеешь принимать облик Бессмертного почтенного Хуаяна!

— Отчего же ты не веришь, что я настоящий? — Бессмертный почтенный приник к нему со спины, вдыхая чистый, едва уловимый аромат, напоминающий запах первого снега.

Ханьюэ попытался вырваться, но его не просто обездвижили заклинанием — его подавили грубой, неоспоримой силой. Не желая выдавать своего смятения, он лишь крепко зажмурился.

— Бессмертный почтенный чист духом и помыслами. Такому порочному наглецу, как ты, не место рядом с его именем.

Не успел он договорить, как его прижали к столу. Бумага разлетелась по полу. Теплые пальцы незнакомца вновь коснулись его лица.

— Какая жалость. Твой многоуважаемый Бессмертный почтенный на самом деле и есть порочный наглец.

Ханьюэ била дрожь, силы покидали его, уступая место жгучему чувству стыда. Если это существо добьется своего, останется только одно — лишить себя жизни.

— Я не могу одолеть тебя. Хочешь убить — убивай, но не смей так унижать меня.

Бессмертный почтенный наклонился и запечатлел поцелуй у самого края его покрасневшего глаза.

— Хочешь плакать — плачь. Глядишь, я сжалюсь над тобой и буду помягче.

— И не подумаю! — голос Чу Ханьюэ сорвался.

Он никогда не испытывал ничего подобного и всегда презирал плотские слабости. И вот теперь он, великий заклинатель, прижат к столу безвестным демоном и подвергается изощренному глумлению. Он чувствовал чужое тепло и не мог перестать дрожать. Ханьюэ стиснул зубы, сдерживая крик, но тот властно коснулся его губ.

— Не сдерживайся, — прошептал незнакомец.

— Никогда, — выдохнул Ханьюэ сквозь зубы.

Внезапный порыв ледяного ветра распахнул окно, швырнув в комнату пригоршню колючего снега. Чу Ханьюэ вздрогнул и подскочил на постели.

Он открыл глаза. Дыхание было сбивчивым, а лицо пылало. Сознание еще не до конца освободилось от оков сна, и казалось, что фантомная аура в комнате всё еще реальна. Лишь спустя минуту он в панике проверил одежду — никаких следов.

Ханьюэ запахнул халат и пробормотал:

— Сон?.. Всего лишь сон?

Но откуда взялось это бесстыдство? И почему героем его грез стал тот, кого он почитал превыше всех богов?

Чу Ханьюэ привык доверять предзнаменованиям. В надежде, что это был лишь морок, насланный нечистью, он сотворил гадание. Однако результат ударил по нему сильнее молнии: это был не морок. Это был предвещающий сон.

Оглушенный этой новостью, он кое-как оделся. Мысли путались. В порыве раскаяния он отвесил себе пощечину, обругал последними словами, а затем несколько раз прочел заклинание очищения сердца. Только после этого он осмелился взглянуть на портрет.

Глядя на суровый лик божества, он невольно вспомнил ночное видение. То же лицо, те же руки... только он шептал гнусности, от которых уши начинали гореть, а в груди разливался нестерпимый жар.

Ханьюэ снова ударил себя по лицу, заставляя забыть об увиденном. Зажег благовония и склонился перед образом:

— Прошу, Бессмертный почтенный, защити своих учеников и даруй нам успех в истреблении зла.

Стоило ему договорить, как все три палочки в его руках одновременно переломились.

Чу Ханьюэ нахмурился. Неужели Бессмертный почтенный узнал о его постыдном сне?

***

— Эй, гляньте! Что это со старшим братом? Лицо всё распухло. Как думаете, кто его так отделал?

— Да кто рискнет? Сам себя наказал, небось. Он же любит истязать себя за малейший проступок.

В этот раз Чу Ханьюэ взял с собой в поход своего ученика Цяо Цяньли и двух младших братьев, за которыми хвостиком увязались их собственные подопечные.

Младшие братья — Шэнь Фэйхуа и Ша Жусюэ — были на несколько лет младше Ханьюэ. Главными их талантами были сбор сплетен и их же распространение. Если новостей не было, они их просто выдумывали.

Они летели на мечах следом за Ханьюэ, оживленно перешептываясь. Стоило старшему брату бросить на них ледяной взгляд, как оба едва не рухнули вниз.

— Старший брат, мы тут как раз обсуждали дело в городке Чанцзя! — тут же нашелся Шэнь Фэйхуа.

— Да-да! — поддакнул Ша Жусюэ. — Говорят, город окутан такой густой злой энергией, что живые не могут выйти, а те, кто приближается, бесследно исчезают. Уже несколько месяцев ни весточки. Есть ли смысл туда соваться? Небось там одни покойники остались.

Шэнь Фэйхуа закивал:

— Вот именно. Брат, может, просто погуляем внизу пару дней да вернемся? Говорят, в местных лавках такие деликатесы подают...

— И красавиц не счесть, — добавил Ша Жусюэ, про себя подумав: «Хотя куда им до тебя».

Единственный ученик Ханьюэ, Цяо Цяньли, почтительно склонил голову:

— Уважаемые дяди, глава отправил нас на подвиг ради накопления добродетели, дабы мы скорее достигли бессмертия...

— Путь бессмертия нужен, чтобы спасти людей, а не для того, чтобы стать богом и лишь потом снизойти до помощи, — оборвал его Чу Ханьюэ. — Не путайте причину и следствие.

— Учитель прав, — послушно кивнул Цяо Цяньли и последовал за наставником, прибавив скорости.

Шэнь Фэйхуа презрительно фыркнул:

— «Чтобы спасти людей», тьфу! Красиво стелет. Кому нужно это спасение, если в конце не ждет вознесение?

Ша Жусюэ хохотнул:

— Да уж, вечно из себя святошу строит. И ученика себе под стать нашел — гора мышц, а в голове пусто. Только и знает: «Учитель прав, слушаюсь, учитель».

Убедившись, что Чу Ханьюэ далеко, они дали волю языкам. Ученики подхватили их смех:

— Наставник, раз Старший дядя Чу такой великий, почему у него всего один ученик?

— Кто ж знает. Ему вечно никто не нравится, а в итоге взял к себе этого остолопа.

***

— Бессмертный почтенный, Небесный Император просит вас поспешить. Час нисхождения в мир смертных для прохождения испытаний близок! — Маленький бессмертный малец подбежал к нему, но замер: тот мирно спал, положив голову на шахматную доску.

У Бессмертного почтенного был на редкость легкий нрав, так что прислужники его не боялись. Мальчишка нагло забрался к нему на колени и дернул за рукав.

Цинь Фэн открыл глаза, подхватил малыша и шутливо щелкнул его по носу:

— Тебе уже тысячи лет, а всё как дитя малое — суетишься.

Маленький бессмертный малец, несмотря на возраст, выглядел как ребенок. Он покраснел и обиженно засопел:

— Я и есть ребенок! О чем это вы грезили, Бессмертный почтенный? Вид у вас такой довольный, словно целую корзину медовых коврижек во сне съели.

Цинь Фэн усмехнулся:

— Видел я предвещающий эротический сон. В нем был один юный бессмертный: кожа блее снега, губы алые, а стан такой тонкий, что глаз не оторвать. И пахнет от него зимой.

— Кровью?! — ахнул малец. — Говорят, вы — реинкарнация демона, неужто вы собираетесь пить его кровь?

Цинь Фэн лишь покачал головой.

— Когда я еще только начинал путь совершенствования, один из моих наставников вычислил, что я — реинкарнация демона похоти. Испугавшись, что моя натура помешает практике, он наложил на меня печать, которую я не могу снять до сих пор. Кажется, человек из моего сна — ключ к освобождению. Передай Небесному Императору: я отправляюсь именно туда, где живет этот юноша.

Маленький бессмертный застыл. В голове крутилось только одно слово: «Похоти»! Наставник явно не безумия его боялся, а того, что этот бесстыдник полмира перепортил. Бессмертный почтенный и так ведет себя как последний разбойник, а если печать падет... останется ли в Шести царствах хоть один спокойный уголок?

— Император сказал, что ваше происхождение в мире смертных уже определено, — пролепетал малец. — Вам позволят сохранить память и пользоваться магией раз в день.

Цинь Фэн улыбнулся так, что у ребенка мороз по коже прошел. Бедный бессмертный из его сна... кажется, ему несдобровать.

<http://bllate.org/book/17570/1647420>